

**XVIII ЕЖЕГОДНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ**

«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. РОССИЯ – XX ВЕК»

Тема конкурса: **«Человек и малая родина»**

Тема работы: «История исчезнувшей деревни Беловки»

**Выполнили: Грибанова Татьяна, Ваулина Диана,
Шкобырева Тамара, Луконина Янна, Дегтярёва
Виктория, Селина Ирина**

МБОУ «Верхнекужебарская СОШ им. В. П. Астафьева»

Руководители: Моршнёв Александр Михайлович,
педагог дополнительного образования, учитель
истории, Селина Елена Владимировна, педагог
дополнительного образования, учитель технологии

Верхний Кужебар, 2017

Исследовательская работа

«Жила-была деревня...»

(история исчезнувшей деревни Беловки)

План:

I. Введение.

II. Основная часть.

- 1) Типы поселений.
- 2) Застройка селений.
- 3) Переселенцы.
- 4) Казённая дорога.
- 5) Жизнь в д. Беловке в начале 20 в.
- 6) Коллективизация.
- 7) Война.
- 8) Послевоенная жизнь в деревне.
- 9) Коренные жители д. Беловки.
- 10) Начало 70-х годов – ликвидация деревни.

III. Заключение.

Актуальность: в 60-ых годах прошлого столетия в результате нарушения экономических законов развития сельского хозяйства начинается процесс ликвидации малых населенных пунктов – их объявляют неперспективными. По сути, это был приговор деревням, входившим ранее в состав образованной в 1913 году Верхнекужебарской волости: Андреевке, Томиловке, Красносельской, Амыльской, Беловке, а также не входившему в состав волости, но теснейшим образом связанному с В-Кужебаром, посёлку «золотничников» в Саянской тайге – Нижнему Амылу.

Деревни разъезжаются, люди вынужденно покидают родные места, где остаются могилы их предков. Многие переехали и проживают по сей день в

Верхнем Кужебаре, но не даёт спать спокойно память... Память детства, юности, взрослой жизни.

Прошло уже полвека, затянуло лесом и бурьяном разорённые усадьбы, но вновь и вновь не даёт покоя мысль: как? почему? всё ли знаем и помним? не забыли ли чего? Попыткой ответа на эти и другие подобные вопросы является данная работа.

Цель: исследование истории исчезнувшей деревни Беловки.

Задачи:

- 1) собрать информацию об исчезнувшей деревне;
- 2) провести анализ информации;
- 3) установить число дворов по переписи 20 века;
- 4) проследить жизнь коренных беловчан;
- 5) сделать выводы;

Методы проведения исследования:

- устная история – интервью, беседа, анкетирование.
- анализ воспоминаний жителей д. Беловки;
- анализ архивных материалов Каратузского района;
- анализ статей и приложений «Амыльские перекаты» районной газеты «Знамя труда».

Объект исследования: - процесс образования новых поселенческих участков (деревень) вокруг села Верхнего Кужебара в рамках столыпинской аграрной реформы.

Предмет исследования – образование деревни, жизнь и быт людей в д. Беловке.

Практическая значимость данной работы в том, что проанализированный нами материал может быть использован на уроках краеведения по истории (региональный компонент) и во внеклассной работе.

Новизна исследования заключается в том, что мы систематизировали историю деревни Беловки.

Гипотеза исследования: если каждый житель любого населённого пункта (большого или малого) с детских лет будет интересоваться историей и знать прошлое своего села, то он будет передавать это своим потомкам, что привьёт интерес к истории малой родины и любовь к ней.

Предварительным этапом работы явилось составление вопросов, ответы на которые должны раскрыть суть и значение данной исследовательской работы:

1. Подумать самостоятельно и ответить на вопросы:

- Что мы знаем по данной теме?
- Какие суждения можем высказать по этому поводу?
- Какие выводы и умозаключения можем сделать из того, что нам уже известно?

2. Изучить номера местной газеты «Знамя труда», приложения «Амыльские перекаты» к ней и записать всё, что узнали о причинах исчезновения деревни.

3. Найти информацию по данной теме из других источников.

4. Встретиться с жителями деревни Беловки и записать их мысли в виде интервью.

5. Узнать:

- Где была расположена деревня Беловка, выяснить происхождение названия;
- Как выглядела?
- Сколько дворов было в деревне?
- Чем занимались жители деревни?
- Когда исчезла деревня?

Царское правительство, напуганное революцией 1905 г., боялось новых крестьянских волнений. 24 августа 1906 г. П. А. Столыпин опубликовал правительственную программу, где далеко не последнее место занимала переселенческая политика.

В основном Каратузский район заселялся переселенцами из Пермской, Вятской, Черниговской, Витебской, Могилёвской, Орловской и некоторых других губерний.

Некоторые условия и льготы власть предоставляла с целью привлечь крестьян к массовому переселению в Сибирь, в первую очередь из густонаселённых губерний.

В 1909 г. был принят закон, по которому за счёт казны прокладывались дороги к переселенческим участкам, разрешено строительство больниц. Принятые меры значительно усилили переселение крестьян. Подтверждение этому – цифры: если на территории Сагайской и Моторской волостей с 1893 по 1905г.г. было образовано и заселено пять новых деревень, то с 1906г. по 1916г.г. их возникло 13. Чтобы внести полную ясность в понятие «деревня», нужно обязательно коснуться типов сельских поселений в Сибири, их застройке.

Типы поселений

Основным типом сельских поселений была деревня. Это сравнительно небольшое селение, не имевшее церкви. Для начала 17 в. характерны *малодворные* деревни – поселения в 1-3 двора. К началу 18 в. стали преобладать деревни в 10 и более дворов (*многодворные*).

При заселении деревни родственниками ее именуют «*однопородной*». Другой тип деревни «*разнопородная*», здесь проживали семьи разных родов.

Если расстояние до пашни от деревни превышает более 10 вёрст, то в целях эффективной работы на ней крестьянин был вынужден возводить на пашенном участке избушку, хозяйственные постройки. Данный вид поселения в Сибири называли «заимкой». Если пашня была недалеко, то хозяин обрабатывал её «наездом», без строительства построек – эта пашня называлась «займищем».

На заброшенном и вновь распаханном «займище» через много лет могло возникнуть новое поселение. Название заимки или займища по имени прежнего хозяина часто становилась топонимом деревни. Многие заимки дали начало

новым деревням и сёлам. На заимку могла переселиться семья сына или сам домохозяин. За счёт подселения новоприбывших переселенцев или односельчан, дополнительной разработки земли поселение разрасталось. Вокруг появлялись новые заимки, постепенно становившиеся деревнями. В таёжной зоне многие селения обязаны своим возникновением охотничьим заимкам.

Вновь созданное селение, которое в перспективе могло стать крупной деревней, обозначали термином «починок». Таким образом, деревни, заимки, займища и починки своим возникновением обязаны возделываемой крестьянской пашне. Несколько иную функцию выполняло село.

«Село» – сравнительно крупное селение, в котором обязательно имелась церковь. Таким образом, село становилось центром церковного прихода. Село выполняло и административные функции: оно могло быть центром волости, включавшей от 15 до 30 малых населённых пунктов (деревень).

Начиная, со второй половиной 19 века в отдельных местах начали ощущаться затруднения в землепользовании: в пределах общинного землевладения группа домохозяев одновременно переселялась на отдалённые угодья. Появившиеся таким образом селения назывались «выселки».

Застройка селений

Типы застройки селений зависели от многих факторов: времени возникновения, ландшафтных особенностей, ветров, степени родства «засельщиков».

До начала XIX в. была более распространена «свободная застройка». Данные деревни были раскинувшимися, разбросанными на расстоянии группами строений. Избы стояли как группами («кучковались по родственному», «по артельности», по времени подселения), так и отдельно друг от друга. Зачастую при свободной застройке дома могли располагаться группами вдоль озера, реки, тракта и ориентировались фасадом на южную сторону.

«Рядовая застройка» – тип улицы из одного ряда домов с подворьями. Такое селение могло тянуться на несколько вёрст.

«Уличная застройка» – тип улицы из двух рядов домов с постройками, обращёнными фасадами друг к другу. Данные селения более характерны для второй половины XIX – начала XX в. Дома вдоль улицы стояли как на грани,

так и в глубине дворов. Одна-две усадьбы разделялись прогонами для скота, а группы подворий по 4-6 разделялись переулками. Передняя линия «заплетов» с воротами была ровной. Палисадники перед домами в сибирских селениях появились только в первой трети XX века.

«Квартальная застройка» – застройка улиц приводит к тому, что дома начинают строить и в переулках.

Практически все сибирские селения имели ещё одну особенность: даже при плотной уличной застройке они сохраняли обособленность на отдельные участки-коллективы по принципу родства, времени застройки, подселения, иногда по этническому признаку и пр. Назывались данные участки – «край», «гнездо», «кулига», «куток», «конец».

Вокруг сёл и деревень на много вёрст шла изгородь-поскотина (в России она называлась «околицей») из 3-4 рядов жердей. Каждый домохозяин «присматривал» (ремонтировал, подновлял) за участком поскотины в 30-50 метров. На дорогах в изгороди делали лёгкие ворота, оставлять их открытыми считалось серьёзным проступком, т.к. за поскотиной расстилались пашенные и лесные угодья крестьян, членов общины.

Переселенцы

На первом этапе переселенческого движения выходцы из северных губерний составляли основную массу новых «засельщиков». По социальному положению данный этап характеризуется как середняцкий. Вплоть до конца XIX в. переселенцев именовали «самоходами», т.к. до постройки железной дороги добирались сюда пешком или на лошадях.

Как крестьяне определяли район переселения? Исследования показали, что 61 % крестьян засылали в Сибирь ходоков, которые выбирали место будущего заселения по письмам; определяло район переселения 19%, по рассказам – 17 % крестьян. И лишь 3 % переселенцев шли «наобум»: это говорит о том, что не так-то просто было решиться в то время на далёкую дорогу в суровый край, сорвавшись с обжитого места.

На рубеже XIX – XX в.в. большая часть переселенцев была вынуждена основывать новые селения в подтаёжной зоне – степи и лесостепные области были практически освоены. Старая технология земледелия начинала изживать себя. Урожайность стала падать; наступил период перехода к интенсивному

земледелию. Многие селения возникали на месте бывших заимок, заброшенных росчистей, но большинство переселенцев были вынуждены втрое больше затрачивать сил, денег, времени на обустройство. Деревни новосёлов стали существенно отличаться от старожильческих.

Ещё более обострились отношения старожилов и переселенцев в первом десятилетии XX века. «Столыпинские» реформы насильственно разрушали общины Европейской России и предусматривали массовое переселение обезземеленных крестьян в Сибирь, на окраины страны. Во многом у этих переселенцев имелись негативные черты: лень и нежелание трудиться, отсутствие старательности, пьянство, низкие нравственные качества. И называли их в Сибири уже переселенцами – лапотниками, лапотошниками. Нередки были случаи «проживания» ссуд, преступлений, поиска случайных заработков, отходничества. Многие новосёлы, с огромным трудом разработав в тайге 1-2 десятины земли, едва сводили концы с концами.

Но всё же, несмотря на вышеназванные недостатки, большинство переселенцев прибывали сюда для обустройства, чтобы начать новую жизнь. Сотни тысяч крестьян-переселенцев увеличили на несколько миллионов десятин площади посевов. Они привезли улучшенные навыки огородничества, трёхполья, удобрения земель, льноводства, пчеловодства, новые ремёсла.

Огромную роль в развитии переселенческого движения сыграло правительство. Увеличились до 200-400 руб. льготные ссуды, многие получили безвозмездную помощь, для желающих выехать в Сибирь ввели льготные железнодорожные тарифы, и переезд стал в 3-4 раза дешевле.

В Енисейской губернии для переселенцев создавались бесплатные переселенческие столовые и больницы, оказывались всесторонняя землеустроительная помощь. За счёт средств Переселенческого управления строились школы, церкви, больницы, дороги, сооружались тысячи колодцев.

Казённая дорога

Уделяя большое внимание освоению Сибири, царское правительство прекрасно понимало значение дорог. По вышеупомянутому закону 1909 г. за счёт казны прокладывались дороги к переселенческим участкам.

Переселенческий участок – так у геодезистов называлось место, которое было определено властями для водворения новосёлов с целью создания нового

населённого пункта. Причём, обращает на себя внимание тот факт, что все 13 населённых пунктов, появившихся с 1905 по 1910 годы, основываются на значительном удалении в сторону тайги от географического центра волости Сагайска.

В архиве г. Минусинска Ф. 54, О.2, Д. 734;0.3. Д536-548, за 1907 г.) есть запись о том, что: «Землемер Эйсбрюнер составил план переселенческих участков №1 «Амыльский» и №2 «Шадатский». Название поселения Беловка, скорее всего, произошло от фамилии первопоселенцев. В более поздних документах – мелькает фамилия Беловых, многочисленная семья которых проживала на территории Колеватовского сельсовета. Участок №2 Шадатский и стал называться Беловкой.

В разных документах даются разные даты возникновения Беловки. Согласно архивным данным, на 1907 год, считающийся годом создания, в деревне насчитывался 31 двор и 182 жителя. В 1924 году дворов – 28, мужчин – 65, женщин – 68; 1927 году дворов – 21, населения – всего 81 человек.

В «списках населённых пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края» за 1921 год годом заселения переселенческого участка Шадатского обозначен 1911.

В кратком описании приходов Енисейской Епархии» за 1911 год (это годовой отчёт Вернекужебарского прихода) служители церкви дают краткую характеристику прихода: «Село Верхнекужебарское находится на самом краю степи, дальше за селом находится тайга, которая тянется до самой сойотской степи, т.е. на протяжении нескольких сот вёрст. В настоящее время в этой тайге начали селиться переселенцы. Тот конец села, который выходит в тайгу, стоит на берегу реки Амыла, по сторонам села тянутся болота. В окрестностях села есть горы, есть новые переселенческие деревни. Таких деревень семь (одна из них – Беловка). Все деревни прихода образовались из переселенцев, которые переселились сюда не более пяти лет, а некоторые деревни насчитывают два-три года.

...в приходе нет коренных сибиряков, все переселенцы из разных губерний: Орловской, Пермской, Волынской, Вятской, Могилёвской и др.; всё население исповедует православную веру. Раскольников и сектантов в приходе нет. Главное занятие жителей: хлебопашество, затем рыбная ловля, охота и доставка клади в тайгу на прииски».

Строительство казённой дороги правительство начинало неспроста: стояла задача облегчить подступы к золоту Амыльской системы.

«Начало XX века ознаменовалось техническим переворотом в золотопромышленности. В 1897 году в селе Каратузском прошёл первый съезд золотопромышленников Ачинско-Минусинского горного округа, после которого началась модернизация на золотых приисках Амыльской системы. Внедрение драг в золотодобычу позволило произвести повторную промывку грунта и во много раз увеличить количество промываемого материала в сутки. В итоге добыча золота в 1910 году поднимается до 150-160 кг.. К приискам пробивают дороги, в тайге возникают приисковые посёлки (Староникольский и другие). Через Каратуз на прииски и обратно ежегодно проходит до 10 тыс. человек. Прибыли золотопромышленников достигают 100%. Хозяйственная деятельность всех волостей ориентирована на удовлетворение потребностей золотопромышленности в продуктах питания, одежды, обуви, средств транспорта». («Каратузский район. История малой родины». В. М. Байзель; стр. 44: изд-во «Бригантина», Абакан – 2010 г.)

В представленном ниже документе содержатся сведения от инженера путей сообщения Р. Родичева – начальника партии исследования системы верхнего Енисея (от 1907 г.). Они гласят: *«Переселенческое управление, нарезав участки под заселение по верхнему Амылу и его притокам – Богату, Киндату, Кондату и др., наметило проложить дорогу на крайний участок на Верхнем Кандате: эта дорога обойдёт перевалы Петропавловский и Чокур – и тогда останется лишь разработать под колёсное движение. Перевал через Алгияк, вовсе не крутой, чтобы открыть надёжную колёсную дорогу в русский Урянхай. Местные промышленники, несомненно, исполнят это своими средствами, работы же переселенческого управления были предположены на 1910-1911 г.г.»* (Драга – плавучее сооружение для механизированной разработки обводнённых россыпных месторождений золота. Это мощная паровая или электрическая землечерпальная машина, смонтированная на понтоне. Она добывает породу, промывает и извлекает из неё золото).

В начале XX века царская дорога по всем правилам дорожного строительства – высокая, насыпная, с нарезанными кюветами, мостами через речки, возводилась от Ширьштыка. Маршрут здесь мог быть один – одной из Амыльских троп, которые были проложены ещё с незапамятных времён. В данном случае эта тропа между Тюхтетским и Шадатским болотами на Нижний Амыл, но минуя Петропавловский перевал. Строительство дороги прервала революция.

Наши предки, приехавшие в Сибирь в начале XX века, принадлежали к тому поколению, которое в неустанном труде и его результатах видели своё счастье.

Это были смелые, отважные, трудолюбивые люди, которые навсегда покидали свою малую родину, ехали в неведомые края, навстречу своей новой судьбе в надежде дать детям лучшую долю.

«Путь предков моих...»

След предков моих в землях в курско-орловских:

Помещичий хлыст, да забавы бесовские

Нужда, непокорство и – слёзы рекой,

Вдали, за Уралом мечтался покой.

Поднялись, пошли – горе-стон на излёте,

За новой жизнью, как птицы в полёте,

На месяцы-годы надеждой горя,

Чтоб родиной стала Сибири заря.

Чалдон неприветлив, корыстен, наветлив,

Как голая кочка кров новый приметлив.

Землянка, шалаш, да тайга в небеса;

Слеза голодухи – несчастья роса.

Но всё перемог предок мой непокорный,

В терпенье великом руками проворный.

И пашню поднял, подтаёжье порушив,

Горячей молитвой безбожье нарушив.

Врос намертво, в землю вцепившись коряво,

Посконно-холстинно, шабурно-дыряво.

Дыханьем свободным, со вздохом глубоким
Судьбу не хулил, хоть и жил, как в болоте.

Путь предков моих с далей курско-орловских
Упёрся в тайгу, глухомани бесовские,
И здесь не исчез, подтаёжье порушил,
Своею молитвой безбожье нарушил.

Июнь 2013 г.

Как исконные землепашцы, по прибытии и определении на место, первые мысли были о земле (за ней ведь и приехали) и о жильё.

Новосёлам отвели глухую тайгу по Шадату – «Сколько хочешь – столько и бери». Но не один год ещё прошёл, пока тяжелейшим трудом не отвоевали немного места под пашню. Хлеб – это главное, такова суть русского крестьянина. Но с зерном и в последующие годы в Беловке было трудновато. О том, что земледелие в таёжном поселении развивалось низкими темпами, свидетельствует то, что в 1926 году в Беловке не было ни одного сельскохозяйственного механизма. Все довоенные годы поросят в деревне выкармливали картошкой и рыбой: о муке для животных и речи не было.

Расположение Беловки было своеобразным: с одной стороны Шадат, по окраине – Курья. Дома ставили на старице (старом русле Шадата). Деревня из одной улицы в один ряд домов с подворьями – тип «рядовой застройки». Деревня – «разнопородная» – здесь проживали семьи разных родов; *«многодворная»* (10 и более дворов).

Много труда было вложено, пока деревня стала деревней. Не один год прошёл, пока стали вырастать белоснежные срубы будущих домов вдоль улицы. Переселенцы обрели здесь новую родину, пускали корни навсегда, поэтому жильё старались ставить, учитывая все местные познания и секреты плотничьего мастерства.

Дома строили из 80-100-летних деревьев хвойных пород, причём брали лишь их комлевою часть, выводя под один диаметр.

Лес для этого брали «кондовый», выросший на высоком склоне горы, с мелкими и плотными годовыми кольцами. Особенно сторонились деревьев, растущих в сырой, болотистой низине, пропитанных железистыми соединениями. Такие деревья называли «кремлёвыми», они так тверды, что их почти не берут ни топор, ни пила.

Хвойный лес на строительство рубили поздней осенью или в начале зимы, с первыми морозами и первым снежком. Соблюдалось одно важнейшее правило: строевой лес рубили только на «старый месяц».

Срубленный осенью лес очищали от веток, распиливали на брёвна необходимой длины («крыжевали») и, не ошкуривая от коры, оставляли до весны в штабелях «вылёживаться». С наступлением весны отопревшие деревья легко ошкуривались и вывозились на подворья. Здесь их складывали в штабеля под крышу на один-два года для просушки.

Лишь потом деревья «выводили» и начинали рубить дом. При рубке стен брёвна выкладывали по сторонам света: внутрь дома обращали южную, более рыхлую, но тёплую сторону дерева, а наружу—северную, более плотную и «закалённую».

При строительстве дома под нижние венцы вкапывали «стулья» — лиственничные чурки. Их предварительно обмазывали горячей смолой, дёгтем или обжигали на костре для предохранения от грибка. Деревянные стояки или камни обязательно отделяли от нижнего ряда несколькими слоями бересты. Под нижние брёвна обязательно набивали камень-плитняк или плотно загоняли лиственничные кряжи. Завалинки подсыпали с внутренней стороны, где всегда было сухо.

«Подушки» и косяки дверей и окон изготавливали из хорошо просушенного кедра. Ни один уважающий себя хозяин не начинал отделочные работы в доме, пока покрытое крышей строение не высохло (не «выстоялось»). Сохранность дома обеспечивалась хорошей кровлей из драни. Вот что пишет в своей книге рассказов «Таёжные будни» в рассказе «Деревенские истории» (стр. 80-83) писатель В.Г.Бавыкин об одном из таких старожилов, хозяев-умельцев Брезгине Климентии Тарасовиче: *«Одной из запомнившихся встреч было знакомство с дедом Климентом. Он всю свою жизнь проработал лесником в деревне Беловке и давно уже был на пенсии. Рыбак и охотник, умелец, каких мало, он поразил меня с первых минут общения какой-то деловитостью и основательностью, как муравей из басни Крылова. Всё у него было прибрано, рассортировано и подогнано, причём буквально всё сделано своими руками — от дома до ложки. Во дворе дома стояла отдельная избушка, типа времянки, служившая ему мастерской. Я*

сразу обратил внимание на её кровлю из неказистых досок, да ещё в два яруса - это она была крыта дранью. Такую кровлю прежде я видел лишь в Минусинске на доме, считавшемся самым первым строением на этом месте и простоявшем, по легенде, более ста лет. Не утерпев, посоветовал перекрыть избушку тёсом - так будет красивее. Вот тут-то мне и попало, малограмотный дед Клим прочитал мне целую лекцию о строении волокон и сосудов дерева, о чем я, естественно, знал теоретически, а вот на практике, как и все мы, не придавал значения. Не по книгам, а по жизни доказывал он, что дом под дранью простоит в несколько раз дольше, чем под тесом, т.к. колотые доски имеют не разрушенную естественную структуру и не пропускают воду внутрь. Вода беспрепятственно скатывается с такой на вид шероховатой поверхности, а сама древесина не гниет долгие годы. Показал он мне и заготовку на дрань – сосновый сутунок в обхват толщиной, рассказал, как выбирать дерево для этих целей и как колоть-драть доски рычагом с клином полуметровой ширины. В мастерской по стенам и полочкам были развешаны и разложены многочисленные инструменты и приспособления, названия и назначение многих из них я не знал. На колышках висели мотки дратвы, просмоленной и навощеннной, готовой к шитью обуви, круги проволоки - на силки и петли, капканы на всякое мелкое зверье. Показывая инструменты, дед не утерпел и похвалился, что за полотнами для лучковых пил к нему приезжают по зимнику мастера-столяры аж из далекого Каратуза, и он берётся насекаль зубья и делать их развод из граммофонных пружин, которые те ему привозят. Показал и готовую пилу – да, это было чудо. Легкая, ловкая, она, казалось, сама шла в рез. Отогнув деревянный сундучок, он стал доставать оттуда всё новые и новые инструменты и приспособления, и каждое из них было любовно отлажено, выточено и подогнано».

Одним из больших плюсов новой деревни было то, что находилась она, в отличие от «угловых», «крайних» деревень (Красносельская), на бойком месте. Рядом была царская дорога, которая от Ширьштыка вела к посёлку золотничников на Нижний Амыл в Саянской тайге; такая же дорога шла через деревню Александровку в Верхний Кужебар. Правда, весну, лето и осень нужно было переправляться по бону; два троса через Амыл натянуты, да в две плащечки плавучий мосток под ногами, вот и всё. Кому страшновато было так переходить, то вещички в узел и – вплавь. По речке можно было и до Кужебара, и до Каратуза добраться. Но во время большой воды – только на лодках.

Вокруг была богатейшая тайга, полная зверя, ягод, ореха. Бери – не хочу, и поселенцы массово заготавливали для себя, и на продажу дикоросы: клюкву, грибы, кедровый орех. Всё это требовало упорного кропотливого труда. Работать приходилось очень много, большинство работ – тяжёлый физический труд. Детей сызмала к труду приучали, оттого люди крепкие вырастали – жизнь заставляла.

Наряду с плюсами были и явные минусы проживания переселенцев на новом месте. Большинство из них были землепашцы, а по приходу сюда, на новую родину, нужно было под пашню раскорчёвывать вековую тайгу. Насколько мог этот адский труд быть под силу небольшим общинам, столько земли и отвоёвывали. А пока своего хлеба нет, за него приходилось батрачить, гнуть горб на кулака.

«Массовое переселение крестьянства было с 1914 г, вокруг Каратуза было организовано 23 новых населённых пункта – деревень, в которых было от 50 до 200 дворов... Батраками у кулаков оказались те переселенцы, которые год-два назад переселились из России, т.к население этих 23 деревень оказалось без пахотоспособной земли. Вся предназначенная им земля была в тайге, заросшая вековым лесом. Пахать для посева хотя бы лично для себя переселенцы не могли. Вся молодёжь и подростки из новых переселенческих деревень, парни и девушки, оказались в батраках и батрачках у каратузцев, а пожилые люди – сезонниками. Некоторые кулаки стали иметь батраков и сезонников до 50 человек. Таким образом, недавно переселившаяся из России беднота оказалась в зависимости сибирских богатеёв-кулаков.

Богачи нанимали работников не только для выполнения сельхозработ, но и для ловли рыбы и охоты. У богатых был развит гужевой транспорт, так как железной дороги ещё не было, все товары ввозились на лошадях с Красноярска, Томска...

Также появились подрядчики плотничьих работ, так как во многих сёлах строились дома, церкви и моленные дома. Подрядчики снимали подряды, а работы выполняли наёмные рабочие за бесценок. Кулаки нанимали большинство батраков на годичный срок из переселенческой молодёжи. Переселенец в силу своей нужды должен был наниматься в батраки, так как прочих заработков не было. (Л. Л. Майкова. «Каратузская земля» - ин. 2 стр. 30-31; « Бригантина» - Абакан, 2011 г.

Согласно архивным данным, количество жителей в селении колебалось. На 1907 год, считающийся годом создания, в деревне насчитывался 31 двор: в 1924 г- 28; в 1927 – 21. (соответственно населения – 182 жителя, 133 и 81 человек.

Территориальная принадлежность поселения так и не выяснена. По церковным книгам принадлежала Беловка Верхнекужебарскому приходу, дальше данные разрозненные: по сохранившимся архивным документам относилась она и к Колеватовскому сельскому совету, и к Сергеевскому, куда после пожара в Колеватовке, где сгорела часть документов, были переданы

оставшиеся бумаги; позже Беловка относилась уже к Верхнекужебарскому Совету.

В начале XX века в Беловке организовано земельное общество, в учётный список которого вносилось всё земледельческое население, прибывшее на поселение до 22 мая 1922 года. Таёжные массивы были поделены меж обществами ближайших деревень.

В архивах Каратузского исполкома значится: «В пласту Беловского земельного общества лес-105 десятин. Для пресечения лесонарушений нужно срочно точно определить границы...». Уже тогда лес берегли от нарушителей и самовольная рубка строго каралась.

Получить разрешение на заготовку было нелегко, условия выставляемые обществом, были непростыми в исполнении.

«...По деревне Беловке лес отводится на основании подписок граждан. Лес эксплуатируется по разрешению общества, данные участки таёжные, и в целях приобретения земли для ведения сельхозработ сводят лес и разрабатывают землю.

Власть строго следила за тем, чтобы и лес был взят, и земля шла в разряд сельхозугодий. После заготовки леса нужно было обязательно сдать лесосеку (убрать её). Как вспоминают жители, граблями чистили, чтобы ничего после заготовок не валялось. Все сучья, все пни, (а их ещё выкорчёвывать нужно было) убирались. Лесосека должна была быть чистенькой, что тебе городской парк.

Беловское общество с выгодой для себя использовало удобные месторасположение, близость рек позволяла без особых усилий сплавлять лес, заготовителей хватало, а взамен селяне получали раскорчёванные земли.

Наличие на Беловке общественного хозяйства можно только предполагать (никаких документов не сохранилось). Но если учесть, что в СССР массово шли социалистические преобразования в экономике, должно было быть обязательно. Старожилы вскользь вспоминают, что-то наподобие артели существовало, но ни названия, ни видов деятельности не помнят. Вроде бы сеяли немного хлеба, но основное – всё же заготовка леса, дров и дикоросов.

Скорее всего, существовал на Беловке промколхоз, подобный Сергеевскому «Светлому лучу», основными профессиями в котором были бондари, дегтярщики, охотники и лесозаготовители.

Довоенные годы самые, пожалуй, сложные, для селян, время становления коллективных хозяйств, были и голодными и неудобными. В поисках лучших условий перебирались переселенцы на новые места, обживались, строили жизнь заново. Профиль деятельности беловского хозяйства, его принадлежность к леспромхозу – организации государственной, позволял получать ежемесячную зарплату, иметь на руках документы. А относительная сезонность основных работ и таёжный простор давали возможность выживать за счёт натурального хозяйства.

Солдатский треугольник

Пришло письмо – солдатский треугольник,

Измят, текст слоборазличим.

Семье его доставили во вторник,

И похоронку вместе почти с ним.

Как убивалась, плакала, страдала

Жена и дети – стыла в жилах кровь.

Душа людская ведь не из металла,

И приступ горя сотрясает вновь.

В глазах стоит картина расставанья,

Ушёл солдат страну спасать, родных.

Остались лишь надежды-ожиданья:

Минуют пули в буднях боевых.

Чудес, увы, на свете не бывает,

Свирепый Молох, грозный бог войны,

Людскою кровью землю заливает,

И нет на свете мира, тишины.

Судьба семьи бедой неразделима
С судьбой страны – как сёстры-близнецы.
Сочится болью сердце, счастье – мимо,
Смерть-горе мчит гонцов во все концы.

Хранят, лежит солдатский треугольник,
Свет-память в нём, текст слаборазличим.
Домой его доставили во вторник,
И похоронку вместе почти с ним.

март 2010 год

Война не обошла Беловку стороной. Часть молодых мужиков забрали на фронт. Планы хозпоставок повысили в несколько раз. Тот, кто остался в тылу, работал за себя и за ушедшего на фронт. Всю зиму ручными пилами валили вековые деревья, обрабатывали, готовили к весеннему сплаву.

Весной мужичины занимались доставкой леса – плотили плоты и сплавляли по реке. На женскую долю выпадала заготовка – черемша, грибы, ягоды – для фронта были необходимы дикоросы в огромных количествах. Беловка поставляла сырьё тоннами.

Ода черемше

Растёт всегда, везде по всей России;
В Европе, на Кавказе тоже есть.
Любит места низинные, сырые,
Названий местных ей уже не счесть.

Людьми примечена давно и не случайно,
В Сибири – украшение стола.

В довольстве-сытости, иль в голоде отчаянном,
Незаменимой стать она смогла.

Как только снег сойдёт на склонах горных,
Ручьи как забушуют по логам,
Листом зелёным и вихрасто-непокорным
Разбрызнет щедро по открытостям-местам.

Ей покоряются и горы, и болота,
Не любит сушь степи, песчаный грунт.
Тайги сибирской, как сказал бы кто-то,
Особо ценный, витаминный, горький фрукт.

Вот оду бы сложить, и по заслугам,
Ведь сколько жизней за века спасла.
В Сибири русским стала лучшим другом,
Приверженцев своих везде нашла.

В суровом климате сибирском нашем,
Как оптимальный лучший вариант,
С сырых, таёжных и зелёных пашен
На стол ты – первый ранний фигурант.

Ода – торжественное патетическое прославляющее произведение.

Черемша—дикорастущий лук.

Июнь 2010 год

Война сильно подкосила деревню. По воспоминаниям старожилов в 1946 году домов жилых было 5-6, не больше. Была начальная школа, которую в своё время построили заломненцы для беловских ребятишек и детей из Богатого Лога(лесозаготовительный участок, в котором жили бригады с Заломной) . В 1949 году в ней преподавала Татьяна Савельевна Малишевич. В 1951 году она уехала в Сагайск и школу закрыли. Дети ходили теперь в Колеватовскую школу, это было недалеко - километра 3-4.

В пятидесятых годах добралась до деревни цивилизация. Тогда там располагался Шадатский лесоучасток Каратузского леспромхоза.

В 1958 году леспромхоз соединили с райпромхозом, получив организацию с разноплановой деятельностью и громким названием райпромкомбинат. На Беловском участке по-прежнему основной вид деятельности – заготовка леса, побочная - заготовка даров природы. Орех, клюкву сдавали тоннами.

В Беловке понастроили казённых домов: школу (её в 1956 году вернули в деревню), клуб, фельдшерский пункт, бараки для рабочих. В белёном бараке кино крутили(Николай Евсеев привозил из Ширыштыка), танцевали, лекции слушали. На общедеревенские профосмотры приезжали врачи из Верхнего Кужебара. Свои медики в деревне долго почему-то не задерживались – убегала отсюда интеллигенция. И учителя тоже часто менялись. Первым преподавателем был И.Д.Игольников, В.Г.Долгошеева, З.А.Кузнецова, Н.Г.Андреева.

Появился магазин (сельпо), навезли товара всякого. Снабжение было хорошим, разнообразное, но если что-то особенное нужно было, то собирались за покупками в Червизюль (километров 12 до него). Магазин здесь был гораздо богаче, ассортимент товаров намного шире. В 60-х годах даже электродвижок на окраине устанавливали, появилось электричество в деревне (утром с 6 ч до 8 ч; вечером - до 22:00)

Жили дружно, любую крупную работу в селе делали всем миром: дом ли кому подлатать, колодец выкопать – собирались все соседи и дело спорилось. Любой праздник встречали только вместе – сходились у кого-то во дворе и веселились от души. Дома никто никогда не запирал, доверие было безграничное. На покос выходили всей деревней, косили литовками на зорьке, укладывая траву в ровные ряды.

Брезгины

Воспоминания бывших беловчан – теперь уже практически единственные источники информации об исчезнувших поселениях, именно по их рассказам можно рисовать картину жизни деревни.

Одной из старейших семей Беловки была семья Брезгиных. Сам хозяин, Брезгин Климентий Тарасович, всю свою жизнь проработал лесником в деревне, в 60-е годы был уже на пенсии. Жили вдвоём с женой, Екатериной Кирилловной, потихоньку вели домашнее хозяйство.

Фото 1967 г. д. Беловка; семья Брезгиных – Иван Климентьевич, Нина Игнатьевна, сыновья Сергей и Владимир.

В 1965 году в Беловку переехал с семьёй его сын, Иван Климентьевич. Стал

Фото в д. Беловка – на пасеке Иван Климентьевич с напарником Иваном Андреевичем Зубриным.

работать лесником, как раньше его отец. До этого сын с семьёй жил и пасечничал на Баданке, что стояла в 60 км от Кужебара вверх по Амылу. Семью приплавил на лодке – жену, Нину Игнатьевну, двоих детей – Володю и Таню; в семье ещё ждали появления третьего ребёнка. Скот с Баданки пригнали Тюхтетской тропой. Жить стали со стариками одним двором – что на краю деревни слева вверх по Шадату. «В соседях напротив», вспоминает Нина Игнатьевна -

«жили Ивановы - Иван с Нюрой, рядом – многодетная семья Нохриных - семеро ребятишек. Детсада в деревне не было, ребятишки росли вольные, как ветерок. Много детей было в семьях, самое малое – трое. В шестьдесят восьмом году родила и я четвёртого, Ивана; ну, а перед ним родился Сергей».

Фото 1967 г. Иван Климентьевич плывёт домой с охоты.

Деревня состояла из 20-25 домов. Жили: Ивановы, Астафьевы, Глушковы, Нохрины, Подлесновы, Бывших, Чистяковы. Сам Чистяков работал лесничим.

Был в деревни медицинский пункт, медсестрой там работала Шашкова Клара (мать нынешнего кужебарского фельдшера Таскиной Елены Владимировны). Был клуб, где показывали кино; школа была начальная, где в это время работала учительницей Кузьмина Нина Александровна. В школе было около 10 учеников, а располагалась она в деревянном двухквартирном бараке.

В одной половине – школа, в другой – клуб. Работал магазин. Продавцом работал Сухарев (И.О?); товары завозили из Кужебара, особо шла мука: хлеб по домам пекли сами.

Муж, Иван Климентьевич, и штатным охотником работал. На пару с Зубрилиным Иваном Андреевичем имели охотничий участок по Шадату на Чёрной речке (Горелые носки). Рвали и сдавали клюкву – её очень много было в тех местах. Плавали на тополевой лодке-долблёнке (свёкор сам её сделал) вверх по Шадату. Плавать на такой лодке нужно было уметь. Узкие, вёрткие, неустойчивые, долблённые из целого древесного ствола – они были незаменимы и когда первые моторы появились (5 л.с.) – «ЗИФ», «Стрела».

Шло время, подрастали дети. А потом Беловка, как и большинство мелких деревень, попала в разряд «неперспективных». В 1970 г. Закрыли школу. Ближайшей была школа в Верхнем Кужебаре. По этой причине ещё раньше (1968-1969) несколько семей покинули деревню: кто в Кужебар, кто в Ширыштык, Черёмушки. В 1970 г. Выехала в Кужебар и семья Брезгиных. Купили дом; дед Климентий уехал в Белово (Кемеровская область) и след его затерялся, а бабушка Катерина умерла и похоронена в Кужебаре.

Санниковы. Наискось через Шадат был ещё небольшой населённый пункт – Черемшанка. Это был участок лесхоза. Здесь с 1958 по 1963 г.г. проживала семья Санниковых – Владимира Семёновича и Валентины Нестёровны с маленькой дочерью Надеждой. Главная работа жителей этого лесоучастка была заготовка древесины. Владимир Семёнович работал в бригаде лесозаготовителей. Лесосека была в тайге за 12 км. Жили там по неделе – был жилой барак, столовая, что-то вроде клуба (когда приезжал киномеханик – там «крутили» кино). Доводили план-кубатору до каждого: на неделю на двух пильщиков отмерялась деляна леса и к концу недели нужно было его свалить «с корня», очистить ствол от сучьев и раскряжевать. Главным орудием лесоруба

Фото 1996 г. Иван
Климентьевич и Нина
Игнатьевна.

*фото: Владимир Санников
на протоке Гурихе, 1958 г.*

*фото: Владимир и Валентина
Санниковы, жители Беловки.*

*фото: Санникова Надежда 1956 г.
и 1959 г.*

(два человека) была двуручная пила. «Баян» – называли её сами лесорубы. «Мне повезло», – рассказывает Владимир Семёнович, – «я был правша, а мой беловский напарник Бывшев Иван – левша. И нам с «баяном» справиться было гораздо легче, чем другим. Сухарев Фёдор Иванович (десятник) всегда это подмечал.

Сам он в своей работе был профессионал высочайшего класса – всегда «на глазок» точно мог определить кубатуру леса на любой деляне, когда лес ещё стоял «на корню».

Шло время, подрастала дочь, нужно было определяться со школой. А на Беловке школьное будущее становилось туманным. Вот и переехали в Кужебар на постоянное место жительства, родину Владимира Семёновича.

За 1969-1970 г.г. деревня разъехалась полностью, только семья Сухаревых жила в Беловке до середины 80 годов. Они были последними из коренных жителей. Как населённый пункт Беловка перестала существовать в начале семидесятых: выехали жители, закрыли школу. Деревня эта вместе с другими таёжными деревнями: Александровкой (Амыльской), Андреевкой, Колеватовкой, Краснореченской (Красносельской), Томиловкой, Ново-Троицком и Ягодным хутором во 2-й половине 20 века были исключены из административно-

территориального учёта, т.е. попросту исчезли.

Покинутый дом

Заброшенный дом – нет на свете печальней

Картины из жизни деревни любой.

В тоскливости серой и многострадальной

Являет унынье и жалость собой.

Стол слепы и тусклы безликие окна,
Посунулась крыша, вкось набок пошла.
Ушла радость-счастье и песня замолкла,
Печаль-безнадёга приют свой нашла.

Так смотрятся жалко цветы под окошком,
Не спас георгин здесь семью и покой.
Склоняясь к земле многоцветьем-лукошком,
Как молят судьбу: «Приласкай и укрой».

На улице сельской, где тихо и грустно,
Печать отчужденья земного стоит.
Пронзительный мир, простотой безыскусной
Он болью своею с тобой говорит.

И годы ползут вязко-серою тучей,
Тяжёлая поступь их давит, гнетёт.
Деревня родная бедой неминучей
О помощи просит, кричит и зовёт.

Покинутый дом, как ты смотришь печально,
Картина из жизни деревни любой.
Заброшенный, серый и многострадальный,

Являешь унынье и жалость собой.

Март 2010 год

P.S. «Красивая наша Беловка была, в черёмуховой белой пене тонула вёснами, благоухала сладкой травой летом, засыпала под огромными сугробами зимой. И ничто не портило её прелести – ни мошка, ни комарьё, ни дикие звери, ни удалённость и недоступность. Всё окупалось красотой и прелестью. А теперь уже постороннему и места не разглядеть, где Беловка наша была. Там уже снова тайга поднимается, осинник да березняк стеной встают. А за деревней, за нашим кладбищем, болото клюквенное, ягод на нём – море разливанное, и мягкое оно, как подушка, бродить по нему – одно удовольствие. И переливается оно красным мхом и бусинами ягод. Совсем как раньше, как тогда, в далёком детстве...»

(Из воспоминаний бывшего беловчанина Владимира Степановича Астафьева)

фото: жители Беловки (слева направо) Хорышева Ирина, Санникова Валентина, Агафонова Екатерина, Зубрилина (?).

Литература:

1. «Каратузский район. История малой родины», - изд-во «Бригантина», Абакан , 2010 г.
2. «Шадатский форпост – всему начало», ч. I, Л. Л. Майкова-Емельяненко; изд-во «Бригантина», Абакан , 2011 г.
3. «Каратузская земля», ч. II, Л. Л. Майкова-Емельяненко; изд-во «Бригантина», Абакан , 2011 г.
4. «Сибирские краеведы», Б. Е. Андюсев, - изд-во «Красноярский писатель», 2006 г.
5. «Амыльские перекаты» - приложение к газете «Знамя труда», № № 55 – 1999 г.; от 28.02.2003 г.; №53 – 2003 г.; от 25.06.2004 г.; от 22.09.2006 г.
6. Сайт Руслана Кравченко:

- а) «Списки населённых пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края, составленный по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 года и по другим исследованиям 1916 – 1919 г.г.»
- б) Список населённых мест Сибирского края, Минусинский округ», 1929 г., г. Новосибирск.
7. «Таёжные будни», В. Г. Бавыкин, г. Красноярск, изд-во «Буква Статейнова», 2013 г.
8. А. Моршнёв, стихи «Путь предков моих...», «Солдатский треугольник», «Ода черемше», «Покинутый дом».